

В.В. Ушенин

**НЕМНОГО О МОЕМ НАСТАВНИКЕ...
(о Б.И. Скворцове)**

Звонок из Саратова о предстоящем юбилее Бориса Ивановича Скворцова всколыхнул воспоминания прошлых лет, среди которых особенно ярко запечатлелись годы моей юности, моего возмужания и музыкального становления. Мне повезло, что на моем жизненном пути оказался Борис Иванович, человек, чей неувядающий образ остаётся со мной все эти годы, помогает соизмерять свои поступки и устремления в творческой жизни. Мы себя зачастую со стороны не наблюдаем, но многие коллеги, которым довелось общаться с Борисом Ивановичем, замечают, что характерные особенности моей манеры поведения, реакции на происходящее отдаленно напоминают его. И это неслучайно. Влияние педагога на меня оказалось очень значительным, и сегодня, по прошествии многих лет, заложенное в годы учебы в Саратовской консерватории проявляется все ярче. Сейчас, конечно, понимаешь и осознаешь, что в каких-то случаях желательно было действовать по-другому (например, углубленно изучать музыкально-теоретические предметы), но в те годы хотелось только одного – играть, играть и еще раз играть на баяне. Все было подчинено раскрывающимся горизонтам новой музыки, зовущей и ежедневно побуждающей все свободное время отдавать любимому делу. И вдохновителем этого движения выступил Борис Иванович. Очевидно, для меня путь постоянного увлеченного движения вперед был наиболее оптимальным. В дальнейшем, в пору моего педагогического становления, нередко возникали попытки критического осмысления сара-

товских лет: и это, дескать, было не так, и то можно было бы сделать иначе. Но чем больше я набирался опыта, тем очевиднее становилось, что пройденный путь являлся моим и только моим. Неизвестно, каким бы я стал музыкантом, исполнителем, педагогом, если бы у меня в консерваторские годы был другой наставник. Мне кажется, что в этом огромную роль сыграли мудрость, эрудиция, широта кругозора Бориса Ивановича, его глубокое понимание личности и творческих перспектив ученика – растущего музыканта.

Сейчас, по прошествии десятилетий, многое происходившее в те годы слегка идеализируется, но одно бесспорно: 60-е – начало 70-х годов были временем незабываемого энтузиазма. Саратовская консерватория, наряду с известными высшими учебными заведениями страны, в те годы притягивала талантливую молодежь со всей России, особенно её центральных и южных областей. Сюда стремились поступить музыканты, выявленные системой жестких конкурсных отборов еще при поступлении в музыкальные школы и училища. Этих музыкантов уже достаточно хорошо готовили к профессиональной деятельности энтузиасты-педагоги первого поколения, прошедшие войну с оружием в руках и инструментом в различных ансамблях, беззаветно любившие баян. А уж баян для многих в то время воплощал всё: успех в жизни, материальное благополучие и уважение в обществе. Так воспитывались и дети 60-х годов, запомнившие трудности послевоенного периода, ограничения той поры, вместе со своими родителями страстно хотевшие жить лучше. Особенно ярко это проявлялось в стремлении родителей дать серьезное образование своим детям, приобщить их к достижениям культуры, где баян в то время занимал одну из главенствующих позиций.

В потоке желающих совершенствовать свое мастерство консерватория имела возможность отбирать лучших из лучших. Чтобы охарактеризовать уровень поступающих того времени, назову свою программу по специальности: Чакона И.С. Баха, Увертюра из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки, Токката Н. Чайкина, Фантазия на гуцульские темы К. Мяскова. Даже по нынешним меркам это была очень сложная программа, исполнявшаяся на готовом баяне (выборных баянов у поступающих, как, впрочем, и у обучающихся, тогда не было), причем тексты увертюры и фантазии являлись моими самостоятельными переложениями партитуры для трио баянов. Очевидно, исполнение этих сочинений чем-то привлекло внимание Бориса Ивановича, так как он, будучи заведующим кафедрой, взял меня к себе в класс. В то время на очном отделении у него было по одному студенту на каждом курсе, среди которых были и два ростовчанина, Евгений Кириченко и Евгений Аничкин.

На моих глазах происходило становление баяна как академического инструмента, его утверждение в профессиональной сфере, обретение собственного, неповторимого голоса в сформировавшейся отечественной музыкальной культуре. Но для этого приходилось упорно преодолевать сложившиеся стереотипы отношения к баяну как принадлежности музыкального быта, лишь способной поднимать настроение слушателей в часы досуга. О возможности выражения глубоких чувств, различных образных сфер на этом инструменте мало

кто догадывался. Стремясь достигнуть этой глубины и многоплановости, мы все были буквально захвачены потоком новых идей, раскрывающих потенциал баяна. Прежде всего, речь шла о поисках нового репертуара, часто связанных со стремлением исполнять музыку, написанную для других инструментов, так как оригинальных высокохудожественных сочинений в то время было очень мало; наблюдались и увлечение новыми аппликатурными принципами, стремление «улучшить» имеющиеся инструменты (за счет отключения аккордовых звуков в верхней части левого полукорпуса) и т. д.

Разумеется, неслучайно во главе этой кипучей деятельности энтузиастов в Саратове находился Борис Иванович Скворцов, опережавший многих своих коллег благодаря скорости мышления, умению охватывать проблему в её перспективе. Его удивительная работоспособность, яркий, холерический темперамент, импульсивная артистическая манера общаться никого не оставляли равнодушными. Очень подвижный, контактный, излучающий энергию и оптимизм, увлеченный музыкой, баяном и всем тем, что способствовало его развитию, Борис Иванович магнетически притягивал к себе коллег. Вокруг Скворцова, где бы он ни появлялся, сразу образовывался круг желающих с ним пообщаться, услышать что-то новое, почерпнуть что-то полезное. Он постоянно удивлял своим колоссальным познавательным интересом, охватывающим самые разнообразные стороны жизни. Борис Иванович использовал любую свободную минутку, чтобы пополнить свои знания: всегда ходил с кипой газет, журналов, которые регулярно просматривал, собирал вырезки интересующих его событий, мыслей. Интересный собеседник, который не только блистал красноречием, но и умел слушать (причем так, что говоривший сам начинал осознавать подлинную цену своих рассуждений), Борис Иванович для меня был неким эталоном, стимулирующим мое движение вперед.

Особенно сильное воздействие этой незаурядной личности ощущалось в первые годы учебы, когда я 17-летним юношей поступил в консерваторию. В те годы Борис Иванович жил в общежитии, еще не был женат на Ирине Сергеевне Севастьяновой, и студенты постарше могли запросто прийти вечером к нему в гости, послушать музыку, поговорить «по душам». Борис Иванович жил в небольшой комнате общежития, где стоял огромный концертный рояль, заваленный нотами, книгами, журналами. Хорошего баяна у Бориса Ивановича не было, поэтому он музицировал на рояле, любил исполнять сложнейшие фортепианные сочинения мировой классики, особенно свое любимое произведение – Фантазию-экспромт Ф. Шопена. К сожалению, его технический аппарат был недостаточно приспособлен к игре на инструменте, руки были сильными, но очень жесткими, с узловатыми мышцами на пальцах, отсутствовала необходимая мягкость для приспособления к клавиатурам баяна и рояля. Это, очевидно, и мешало Борису Ивановичу в свое время стать концертирующим музыкантом. Но когда он начинал играть, технические недостатки словно куда-то исчезали, и слушатели оставались наедине с артистом, творцом, удивительным интерпретатором известных шедевров. Его исполнения были убедительными, порой захва-

тывающими, открывали новые горизонты, будили воображение, и ты вдруг осознавал свою сопричастность заново рождающейся прекрасной музыке.

Общение для Бориса Ивановича востребовало тесного контакта с собеседником, активной подачи ясно сформулированной мысли, с обязательным восприятием и чуткой оценкой ответной реакции. Его речь была не запрограммированной, а импровизационной, рождающейся мгновенно, с активным подключением своего интеллекта, жизненного и музыкантского опыта, при этом цель, ради которой затевалась беседа, неизменно достигалась. Борис Иванович не стремился выпячивать себя, демонстрируя своё интеллектуальное превосходство. Он старался побудить ученика к разрешению собственных неотложных задач, помочь в поиске оптимальных решений, немного продвинуться вперед в нескончаемом процессе постижения истины, незаметно, без давления и прямолинейных указаний. И в этом, как мне кажется, состояло замечательное искусство Бориса Ивановича, педагога по призванию, продолжавшего замечательные просветительские традиции русской интеллигенции. Конечно, такой метод больше годился для одаренных людей. Для учеников менее талантливых требовались другие пути – например, филигранной всесторонней «шлифовки» небольших разнохарактерных пьес, доводимых до определенного уровня законченности. Всё, разумеется, зависело от степени одаренности и подготовленности ученика. В консерватории в те годы у Бориса Ивановича учились очень талантливые, перспективные молодые музыканты⁸. Достаточно вспомнить имена Владимира Лейко, Ольги Королевой, Александра Маркова, Владимира Гладких, Александра Сотникова, Александра Базикова и других, которые в дальнейшем проявили себя как музыканты, педагоги со своим индивидуальным творческим «почерком», совершенно не похожие друг на друга, – при всей общности внутреннего, трепетного отношения к баяну и исполняемой музыке.

Мои годы учебы в консерватории (1964–1969) были удивительным временем. Мы чувствовали себя первопроходцами в открывающемся неизведанном мире, участниками строительства прекрасного будущего, в котором наш инструмент займет приоритетные позиции. Баянисты тех лет были одержимы в занятиях, хотя условия для этого были далеко не идеальными. Классов не хватало, и все баянисты занимались в большом коридоре консерваторского подвала, – буквально спина к спине учили свои программы по специальности. Можно себе представить царившую в это время какофонию, в которой с трудом можно было что-то разобрать. Приходилось вставать пораньше, чтобы успеть до групповых занятий помузицировать в тишине. Потом у студентов-баянистов появились и свои любимые места – под мраморной лестницей, около вешалки, в камерке, где хранились наши инструменты.

В те годы каждый, кто входил в консерваторию, погружался в некую «звуковую вселенную». Консерватория жила и источала звуки. В ту пору мно-

⁸ Кроме консерватории, Борис Иванович работал еще в культпросветучилище. С его методической работы в этом учебном заведении я не был знаком

гие из студентов жили на квартирах. Общежитие скорее напоминало зал ожидания на вокзале: большие комнаты, в каждой из которых стояло более десятка кроватей, постоянно были наполнены суетою и бытовыми заботами. Поэтому приходилось снимать комнату или угол, где можно было лишь переночевать, и вся студенческая жизнь проходила в консерватории – без преувеличения, нашем родном доме. Жили мы интересно, дружно, много занимались спортом – вечером играли в маленьком спортзале не только в традиционный футбол (так называемый дыр-дыр), но и в баскетбол, настольный теннис. Случались и периодические увлечения – бокс (до тех пор, пока на тренировку не пригласили боксера-разрядника, и он нам всем показал...), культуризм (двое из нас, Иван Нелюба и Анатолий Сенин, стали победителями городских соревнований по этому виду спорта), зимой – коньки на стадионе «Динамо» и лыжи (для меня, выросшего в южном крае, откровенная экзотика). Летом вместе отдыхали в консерваторском спортлагере на островах с романтическим названием Дубовая грива – в палатках, с кострами, рыбалками и прочим. Но главное место в этой студенческой жизни для нас занимал баян.

Поступив в консерваторию, я попал в атмосферу интенсивного, даже поголовного увлечения разнообразными новыми веяниями в методике и репертуаре. Будучи воспитанником ростовской баянной школы, где рекомендовались традиционные аппликатуры, с большим интересом приобщался к пятипальцевой аппкатуре. У всех обучающихся баянистов в то время были трехрядные инструменты, и применение последовательных движений пальцев, зачастую неуместное, напоминало цирковые упражнения: немислимые комбинации преследовали цель добиться максимальной скорости, пусть некачественно, неритмично и в «разношерстной» артикуляции, но очень увлеченно и азартно – кто быстрее и эффектнее! И в этом «состязании» главным застрельщиком был Борис Иванович Скворцов. Неважно, на каком инструменте – на баяне или на рояле, он с огромным увлечением демонстрировал достоинства излагаемой «системы», как тогда называлось это поветрие. Замечу, что наши кумиры тех лет – Иван Яковлевич Паницкий и Владимир Владимирович Бесфамильнов – играли традиционными аппкатурами, а потому было очевидно, что пятипальцевая «эйфория» шла от наших преподавателей, организовавших кафедру народных инструментов, в свое время получивших образование у известных пианистов. Так, Борис Иванович учился у замечательного музыканта, колоритнейшего педагога Семёна Соломоновича Бендицкого, направленного в Саратов из Московской консерватории, да так и оставшегося в поволжском городе. Отношение к баяну у признанных в музыкальном мире корифеев было неоднозначным. Кто-то тщательно работал со своими учениками-баянистами над исполняемым репертуаром, а кто-то скрепя сердцем и через силу вынужден был заниматься этим «неперспективным» делом. Одна из консерваторских легенд повествует о С.С. Бендицком, который на просьбу Бориса Скворцова позаниматься с ним изрекал: «Бор-р-ря! Я так люблю баян?! Пойди в соседний класс, я тебя отсюда послушаю».

Несомненно, для становления Саратовской баянной академической школы усвоение и преломление традиций прославленной русской пианистической школы оказалось чрезвычайно важным. К достоинствам первых педагогов кафедры следует отнести их стремление объединить накопленный пианистический опыт с достижениями ведущих баянистов-исполнителей. Особый стиль методики Бориса Ивановича проявлялся в занятиях по специальности. Все протекало как бы само собой. Педагог не устанавливал каких-то жёстких сроков подготовки того или иного произведения. Казалось, что он только формулировал очередные задачи каждому из учеников, предлагая новые произведения, определял сроки исполнения плановых академических концертов, экзаменов, частенько организовывал концертные поездки класса по городам Поволжья и Северного Кавказа. Репертуарная политика Бориса Ивановича не расходилась с веяниями времени. Баянисты в основном играли переложения замечательных образцов классической музыки, с огромным энтузиазмом работали над сочинениями Баха, Генделя, Шопена, Бетховена. И в первых рядах этого процесса – открытия новой музыки, ранее не исполнявшейся на баяне, с учетом исполнительских достижений фортепианной школы, – был Борис Иванович. Его неоценимым качеством было умение передать ученику ощущение собственной значимости, причастности к чему-то масштабному. Как бы в продолжение традиций, утвердившихся у пианистов, особенно – у класса С. С. Бендицкого, были организованы исполнения тематических программ – больших органных прелюдий и фуг И.С. Баха, всех органных концертов Г.Ф. Генделя. По тем временам это были фантастические проекты, но талантливые ученики Скворцова справлялись с поставленными задачами, осваивали огромные пласты классической музыки. Результат достигался при помощи неустанной работы, погружения в образные глубины музыки и совершенствования исполнительских навыков. Неслучайно такая концертная практика позволяла студентам поддерживать оптимальную форму, одновременно расширяя свой «академический» репертуар. Неслучайно студенты класса Бориса Ивановича постоянно участвовали в различных конкурсных испытаниях. В числе прочих, и мне довелось участвовать во Всесоюзных отборочных прослушиваниях на международные конкурсы, проходивших в Москве (в 1968–1969 годах), в Первом Всероссийском конкурсе исполнителей на народных инструментах – студентов музыкальных вузов, состоявшемся в Новосибирске (в 1969 году, занял V место). А в 1973 году Александр Марков стал лауреатом Всесоюзного конкурса в Воронеже, завоевав I премию.

Впрочем, более существенным было обретаемое учениками Скворцова неустанное стремление находиться в контакте с любимым инструментом. Из класса Бориса Ивановича вышло немало истинных подвижников баянного искусства, сохранивших преданность ему на долгие годы. Именно это и представляется мне главным итогом педагогической деятельности любимого Учителя в стенах Саратовской консерватории.